



**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

ЧЕЛОВЕК — ЖИВОТНОЕ. НОВАЯ ПАРАДИГМА В НАУКЕ

© 2017

М. Кожевникова



**Кожевникова
Магдалена** — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. В журнале «Человек» опубликовала статью «Технологии вспомогательной репродукции — проблема этического выбора у пациентов» (2016. № 4). E-mail: kmagdalena@yandex.ru

В последние десятилетия не только в общественной жизни и законодательстве, но прежде всего в науке отмечается изменение подхода к животным, а также к отношениям людей и животных. По большей части это происходит в сфере междисциплинарных исследований об отношениях человека и животных — *human-animal studies*, или просто *animal studies*, — которыми занимаются социология, философия, история, литература, искусство, культурология, биология, технология, медицина и другие дисциплины. Данные исследования влияют на указанные дисциплины также и за рамками *animal studies*. Главные области исследования в рамках *animal studies* касаются того, насколько понятие принадлежности к миру животных является фундаментальным для концептов, играющих важную идеологическую и интеллектуальную роль в современной западной мысли, например, таких как «природа/природный», «культура», «общество», «цивилизация», «человек». Изучаются также роль животных и отношение к ним в науке, сельском хозяйстве, промышленности, туризме и других сферах человеческой деятельности; представления о животных, что содержат литература, кинофильмы, телевидение, визуальные искусства и другие формы культуры; историческое изменение отношения человека к животным.

Как подчеркивает М. Бакке, огромную роль в изучении животных играет этический аспект, то есть *animal studies* — это вовлеченная наука, анализирующая отношения человека и животных и нацеленная на поиски путей практического улучшения их состояния. «...Сейчас мы столкнулись с важнейшей задачей изменения восприятия животных — перехода от отношения к ним в качестве пассивной предметной массы, для обозначения которой используется одно слово «животные», к выводу о том, что они — существа, обладающие индивидуальными жизнями и опытом и реализующие собственные интересы. Таким образом, речь идет не только о том, чтобы с помощью животных говорить о себе, но также говорить о них, потому что бенефициарами исследований животных должны выступать в первую очередь они сами» [7].

Изменению научного фокуса дали толчок новые движения в защиту животных и окружающей среды, которые зародились среди интеллектуалов и ученых во второй половине XX века. Они кардинальным образом отличались от более ранних движений. Если прежде забота о животных вытекала из заботы о гуманном облике самого человека, то теперь она связана с убеждением об интегральных правах животных. Современная этика и защита животных — явление не гомогенное. Среди множества подходов выделяются: радикальные аболиционистские взгляды (Г. Франсион); правовой подход, приписывающий животным некие природные права, а в некоторых случаях даже статус *не-человеческих личностей* (Т. Риган, У. Вольф, Т. Петжиковски); утилитаристская этика животных, обоснованная наличием у них интересов, равноценных человеческим, и способности к страданию (П. Сингер); теория, основанная на категории неравенства и трудовых отношений (Д. Харавэй). Несмотря на наличие ряда отличий, большинство подходов в рамках современной этики животных имеют общую черту — они критикуют антропоцентризм, таким образом оказывая влияние на развитие других областей научной и философской рефлексии.

С 1970-х годов наблюдается рост числа движений, требующих наделить животных фундаментальными правами, а также повысить их моральный статус в связи со все более частым признанием животных не объектами, а субъектами. Подобные требования, уже основательно укоренившиеся в западной философии, означают конец кантовского видения животных в качестве вещей.

Согласно философии И. Канта, человек обладает достоинством как существо разумное и моральное и потому не может быть чьим-либо инструментом. К животным же следует относиться инструментально, поскольку те не являются моральными субъектами. Правда, мыслитель, в отличие от Р. Декарта, не считал животных “живыми автоматами”, то есть полагал, что они обладают некоторыми чувствами. Тем не менее этого было недостаточно, чтобы видеть в животных индивидов. Кант не одобрял “ненужного” причинения страданий животным, однако находил в хорошем отношении к ним долг человека перед самим собой, а не перед животными. “Амбивалентное отношение Канта к моральному статусу животных привело к тому, что кантовская этическая традиция стала, в отличие от утилитаризма, скорее помехой, а не помощью в развитии постулатов фундаментального улучшения обращения с животными. Философское вдохновение они черпали в первую очередь у авторов, критически относящихся к кантовской этике, — начиная Дж. Бентамом, А. Шопенгауэром и заканчивая П. Сингером” [12]*.

Деятельность современного философа-утилитариста П. Сингера в корне изменила подход к животным, а его знаменитая книга “Освобождение животных” (“Animal Liberation” [13]) стала своего рода манифестом экологов и защитников прав животных. Исследователь развил понятие “видовой шовинизм”, которое впервые

* Как замечает Т. Петровский, даже сторонники И. Канта все чаще критикуют этический статус животных в его философии. Особое место в этой области занимает интерпретация работ Канта и дополнение к ним американского философа К. Косгиарда (С. Korsgaard).



ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА



в 1970-х годах ввел психолог Р. Райдер для обозначения дискриминации человеком остальных животных. Будучи подобием расизма и сексизма, видовой шовинизм ставит интересы одного вида над интересами других видов. Свое неприятие видового шовинизма Сингер обосновывает при помощи утилитаризма: все существа, способные страдать, заинтересованы в избегании этого страдания.

Поскольку способность животных страдать в наше время не оспаривается, они становятся субъектами в процессе сравнения интересов. Существование видового шовинизма признают (а само явление осуждают) также на Западе Р. Докинз, Дж. Гудолл, С. Бест, Т. Уайт и в России К.О. Россиянов. Последний пишет: «...на кантовском противопоставлении человека как “цели” и остальных видов как “средства” можно смело ставить крест, оно должно быть заменено намного более нюансированным этическим кодом, в котором должно найтись место не только для человека как простой противоположности “животного”, но для разных видов с разными интеллектуальными способностями» [3].

Речь идет о наделении некоторых животных моральным статусом, сравнимым со статусом людей с ограниченными психическими возможностями (например, детей или психических больных). В последние десятилетия ученые обнаружили высокие интеллектуальные способности у многих видов животных (например, у таких млекопитающих, как приматы, дельфины, слоны, а также у птиц и даже осьминогов), что даже привело к изменениям в законодательной сфере (прежде всего в области экспериментов на животных и в сельском хозяйстве) в ряде развитых стран. Требование наделить животных моральным статусом нашло отражение и на законодательном уровне. Такие организации, как, например, созданная в 1994 году международная организация “Great Ape Project” (“GAP”) или учрежденная в 2007 году американская “Non human Rights Project”, стремятся к юридическому признанию прав некоторых видов животных. Так, активисты “GAP” считают, что человекоподобные обезьяны удовлетворяют ряду критериев, позволяющих признать их личностями: они обладают сознанием, моралью, языком, способны к рефлексии и сложным социальным отношениям. Поэтому разница между приматами и людьми — это лишь разница степени, а не качества. Исходя из этого, активисты “GAP” требуют закрепить за приматами право на жизнь, свободу и свободу от пыток [17].

Члены другой упомянутой организации стремятся наделить некоторые виды животных (человекообразных обезьян, слонов, дельфинов и др.) статусом *не-человеческих личностей* (*non human person*), что означало бы их законодательный выход из мира “вещей” [14]. Примечательно, что между полной реификацией животных (их нынешний статус в законодательстве РФ) и признанием их не-человеческими личностями есть еще широкий спектр других более или менее удачных вариантов. Например, согласно польскому Закону о защите животных, “животное — это живое, способное к страданию существо и как таковое не

является вещью” [16, разд. 1, ст. 1]. В швейцарском законодательстве (пока только, к сожалению, в единственном в мире) животным приписывается их внутреннее, прирожденное достоинство (Würde), которое требует уважения [15].

В области наделения некоторых животных статусом личностей уже имеются определенные успехи: в 2014 году в Аргентине суд признал право на свободу самки орангутанга, которая проживала в зоопарке Буэнос-Айреса. Тем самым было решено, что данное животное обладает личностью, оно не вещь, которая может кому-либо принадлежать. К разочарованию зоозащитников, в 2015 году суд Нью-Йорка отказал в подобном праве двум шимпанзе, находящимся в университете штата на Лонг-Айленде. В 2013 году в Индии дельфинов официально наделили статусом личностей *не-человеческого вида (non human person)*, что, среди прочего, запрещает содержать их в неволе [см.: 1; 5; 10; 8].

Убеждение в том, что животные — это моральные субъекты, есть не проявление идеологических взглядов некоторых ученых, а результат научных открытий последних десятилетий. Моральный инстинкт уже бесспорно принимается в биологии как эффект эволюции социальных животных. По мнению приматолога Ф. де Вааля, он порожден феноменом заботы о потомстве, то есть в некоторой степени мораль присуща всем птицам и млекопитающим, а также некоторым другим животным [2]. Эмпатия, необходимый компонент и основа морали, носит нейробиологический характер — это в 1992 году случайно открыл Дж. Риццоллатти во время экспериментов на макаках. В момент, когда ученый регистрировал активность нейронов обезьяны в ответ на ее движения, вдруг обезьяна отреагировала на движение экспериментатора как на свое собственное. Научный мир пришел к выводу: *зеркальные нейроны* (так их назвали) для психологии могут стать тем же, что ДНК для генетики. Зеркальные нейроны все еще продолжают изучать, однако уже установлено, что их важнейшей функцией является распознавание настроений, мотиваций и чувств других. Наличие зеркальных нейронов уже подтверждено у многих млекопитающих и птиц, что свидетельствует в пользу тезиса Ф. де Вааля.

Развитие генетики, нейронаук и биотехнологии последовательно нивелирует сохранившиеся утверждения о границе, отделяющей человека от остальных животных. Снова обратимся к де Ваалу: “Мы живем в период, когда наше родство с человекообразными обезьянами находит все большее понимание и все серьезнее принимается обществом. Правда, человечество не устает выискивать различия между нами и утверждать собственное превосходство, но немногие из заявленных отличий остаются в силе больше десяти лет. Если объективно, не увлекаясь техническими достижениями нескольких последних тысячелетий, взглянуть на собственный биологический вид, то мы увидим существо из плоти и крови с мозгом, который, хотя и превосходит мозг шимпанзе втрое, не содержит никаких новых частей. Даже размер хвальной префронтальной коры головного мозга оказы-



ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА



вается достаточно типичным для приматов. Никто не сомневается в превосходстве человеческого интеллекта, но у нас нет никаких основополагающих желаний или потребностей, которых не нашлось бы у наших ближайших родичей. Обезьяны, в точности как люди, стремятся к власти, наслаждаются сексом, жаждут безопасности и симпатии, убивают за землю, ценят доверие и сотрудничество. Да, у нас есть компьютеры и самолеты, но психологически мы по-прежнему устроены так же, как общественные приматы” [там же, с. 49–50].

Изучение человеческого (и не только) генома показало, насколько ничтожна разница между ДНК разных видов. Наше родство и сходство стало наглядным, чему больше не мешают ни шерсть, ни чешуя, ни перья. Это знание позволило человеку создавать новые, гибридные организмы. В мировых лабораториях живет множество животных с человеческими генами, несущих практическую пользу для медицины или фармацевтики. Не стоит, однако, при их создании игнорировать мотивации иного рода, которые присутствуют в рамках глубинных отношений между человеком и другими видами. И не только в мире животных — это касается всей природы. Примером может служить художественный био-арт-проект “Эдуния”: гибрид петунии и художника Э. Каца. Художник внедрил в растение собственный ген, кодирующий белки крови, благодаря чему петунию покрыли пурпурные прожилки, очень напоминающие кровеносную систему. “Эдуния”, замечает Г. Гаевска, «опровергает стереотипные убеждения о том, что “гибридизация” может приводить только к отталкивающим эффектам» [9, с. 107]. Данный художественный проект заставляет задуматься над близостью видов и вытекающей из этого необходимостью изменения мышления о человеке и его месте среди других живых существ.

В то же время в науке возрос интерес к животным как к одной из выключенных, дискриминированных групп; подобное изучение, в частности, проходило в рамках феминизма. В данной научной дисциплине основными являются труды Д. Харавэй. Центральная идея заключается в том, что истоки дискриминации женщин и животных (а также других категорий существ) имеют общее основание, а ситуация, в которой находятся женщины, схожа с положением животных. Речь идет как о глобальном понимании трудовых отношений (современный марксизм, который также касается животных на службе человека), так и об особенных жизненных опытах, которые женщины делят с животными (принужденные деторождение, отказ от материнства и отбор новорожденных детей; невозможность самостоятельно определять свою судьбу).

Харавэй рассматривает животных в категориях марксистских трудовых отношений: “На языке работы животные — это работающие субъекты, а не только инструменты, на которых работают” [11, р. 80]. Такое представление делает животных “в значительной степени лишенными свободы партнерами” людей. Животные для Харавэй — компаньоны человека, те, с кем он делит

смерть и страдание. Однако подобные отношения неровные и навсегда таковыми останутся. Они основаны на полезности и эксплуатации и одновременно на взаимной ответственности. Цель, которую ставит Харавэй, — “жить ответственно, как смертные существа в мире, где смерть и убийство — это не вопрос выбора” [ibid., p. 74]. Автор не отрицает использование животных в лабораториях или для других целей, важных для человека (при соблюдении определенных стандартов). Некая высшая позиция человека в мире не ставится Харавэй под вопрос. Однако она, по мнению исследовательницы, имеет исключительно светский характер и связана с большой ответственностью, что лежит на человеке по отношению к другим видам. Философ не затрагивает категории вины, греха или жертвы, а рассуждает о неравенстве, инструментализации и несимметричности страдания. Указанные характеристики страдания выступают не общим законом (религиозным или светским), а историческим отношением, которое подвержено изменениям.

Д. Харавэй, любительница животных, выступает в роли их защитника в новом понимании. Идеи философа противоположны тезисам П. Сингера, Т. Ригана, Г. Франисиона и других борцов за интересы и/или фундаментальные права животных. Исследовательница считает их позицию “расширенной абстракцией Человека”. Поднятие животных до уровня, на который возвел себя человек, превращает, по мысли Харавэй, “неотъемлемую впутанность в схожесть”. В то же время главный вопрос, которым задается автор, лежит совсем в иной области: как покончить с ложным представлением о том, что только человека можно *преступно убить* (*murder*), а все остальные живые существа — лишь *убить* (*kill*)? Или, по-другому, почему люди *умирают*, а все остальные живые существа *сдыхают* (“Every living being except Man can be killed but not murdered” [ibid., p. 78])? По справедливому замечанию автора, смерть и убийство неизбежны, но они не должны восприниматься спокойно и оправдываться с помощью религиозной либо гуманистической традиции. Животные, с точки зрения Харавэй, — это “значимые другие, с которыми мы остаемся в важных отношениях в непрекращающемся мире воплощенных и переживаемых частичных различий, а не Другие, которые отделены от нас пропастью” [ibid., p. 72].

Итак, нами рассмотрены несколько важных, отличных друг от друга подходов к вопросу отношений человека и остальных животных. Все представленные позиции объединяет идея о неизбежности изменения понимания этих отношений. Данная тенденция получила название постгуманизма в связи с его новым, неантропоцентрическим взглядом на человека и его место в мире. В рамках указанного направления человек не ищет знания о самом себе, смотря на Другого (Иного), как в зеркало, он все чаще интересуется Иным как таковым и видит себя в более глубоких с ним отношениях. Видит себя как часть окружающего мира. Животное все чаще становится объектом исследований, которые не задаются це-



ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА



люю обогатить знание о человеке. Можно сказать, что приближается конец протекционизма по отношению к животным в науке. Важную роль здесь играет язык: в западной научной литературе уже нормой стали выражения *человек и другие животные* (*human and other animals*), *не-человеческие животные* (*non human animals*, *nichtmenschliche Tiere*). Человек (человеческое животное, *human animal*) более не представляется качественно отличным от животных, поскольку теперь его родство и схожесть с природным миром воспринимаются глубже. “Все мы находимся в центре сложной паутины из множества существ, которые, будучи существами разных видов, состоят в определенных взаимоотношениях; те же животные, больной ребенок, деревня, свиньи, лаборатории, пригороды, производства и экономики, экологии создают бесконечные отношения между природами и культурами” [ibid., p. 72].

Дуализм природы и культуры теряет свой смысл. Деятельность человека наложила настолько сильный отпечаток на природу, климат и геологию, что сложно указать, где они разделяются. Г. Гаевска приводит в пример растения, выращиваемые на полях фермеров, и задается вопросом: к чему их можно отнести — к природе или культуре? Автор поддерживает тенденцию говорить о культуре и природе во множественном числе (“культуры”, “природы”), подчеркивая их неоднородность. Практическим выражением единства и неотличимости природы и культуры служит предложение нобелевского лауреата в области химии П. Крутцена ввести вместо термина “голоцен”, обозначающего геологическую эпоху, новый — “антропоцен” [9, s. 111]. “Антропоцентризм во многих кругах уже считается не просто неоправданным, но даже высокомерным и анахроничным. Тем не менее мы находимся только в самом начале пути, ведущего нас в мир неизвестного, не-человеческого другого”, — пишет М. Бакке [6].

Постгуманизм, отошедший от антропоцентризма, знаменует новую парадигму в науке, вот уже более 30 лет имеющую место в западной науке. Хотя труды западных коллег становятся известными в России с опозданием, данный тренд медленно, но верно проникает и в российскую науку. Примером могут служить исследования К.О. Россиянова (2006), который представил опыты И.И. Иванова по скрещиванию человекообразных обезьян с человеком в совершенно новом для этой темы свете, принимая точку зрения других видов и отстаивая их интересы: «Запрет на создание гибридов человека и человекообразных обезьян может быть продиктован не только ужасом перед “низшими” существами и не только нашими собственными “шкурными” интересами, но и определяться с позиций уважения к другим видам. ...Скрещивание с человеком может выглядеть также, как недопустимое злоупотребление доверием: обезьяны эти достаточно развиты интеллектуально, но все же, как дети, не могут сами принимать ответственных решений. И, по-видимому, уважение и солидарность с другим видом как раз и требует здесь отказа от навязывания наших генов, от недопустимой “экспансии”, за-

хвата территорий, человеку не принадлежащих. Запрет будет этически обоснованным, поскольку в виду здесь имеется не наш эгоистический интерес, а соблюдение “чужого” блага» [4].

К постгуманистическому направлению относится также и постулат П.Д. Тищенко “защитить животное в себе”, призванный обратить внимание на животную кондицию человека. И хотя одной из целей биоэтических исследований Тищенко остается углубление знания о нашем виде, последние осуществляются в условиях понимания глубоких связей человека и остальных животных. На рост такого понимания влияет развитие биотехнологий и генетики, которое перечеркивает существовавшие до сих пор (конструированные) границы между видами.

Литература

1. В Аргентине признали право орангутанга на личную свободу. URL: http://lenta.ru/news/2014/12/22/orangutan_argentina/ (дата обращения: 02.08.2015).
2. *Вааль де Ф.* Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
3. *Россиянов К.О.* Животные — тоже люди? // Вокруг света. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/29/> (дата обращения: 25.05.2017).
4. *Россиянов К.О.* Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1. С. 3–51 [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/IVAPITEK.HTM> (дата обращения: 25.05.2017).
5. Суд в США отказался считать шимпанзе личностями. URL: <http://lenta.ru/news/2015/07/31/chimps/> (дата обращения: 02.08.2015).
6. *Bakke M.* Między nami zwierzętami: O emocjonalnych związkach między ludźmi i innymi zwierzętami // Teksty Drugie. 2007. N 1–2. S. 232. URL: <http://rcin.org.pl/dlibra/doccontent?id=51065> (дата обращения: 25.05.2017).
7. *Bakke M.* Studia nad zwierzętami: od aktywizmu do akademii i z powrotem? // Teksty Drugie. 2011. N 3. S. 194.
8. Dolphins gain unprecedented protection in India. URL: <http://www.dw.com/en/dolphins-gain-unprecedented-protection-in-india/a-16834519> (дата обращения: 03.08.2016).
9. *Gajewska G.* Przyroda (i) kultura w epoce antropocenu, Przestrzenie Teorii, т. 17. Poznań: Adam Mickiewicz Univ. Press, 2012. S. 105–114.
10. Habeas Corpus in the Americas. URL.: <http://www.projeto-gap.org.br/en/noticia/habeas-corpus-in-the-americas/> (дата обращения: 02.08.2015).
11. *Haraway D.* When Species Meet. Minneapolis; L.: Univ. of Minnesota Press, 2008.
12. *Pietrzykowski T.* Kant, Korsgaard i podmiotowość moralna zwierząt // Archiwum Filozofii Prawa i Filozofii Społecznej. 2015. N 2. S. 106–119.
13. *Singer P.* Animal Liberation. L.: Jonathan Cape, 1990.
14. The Nonhuman Rights Project. URL: <http://www.nonhumanrights.org/> (дата обращения: 03.08.2016).
15. Tierschutzgesetz (TSchG). Т. 16. 2005. Dezember.
16. Ustawa z dnia 21 sierpnia 1997 r. o ochronie zwierząt (Dz. U. z 2013 r. poz. 856; z 2014 r. poz. 1794; z 2015 r. poz. 266; z 2016 r. poz. 1605, 1948, 2102).
17. World declaration on great primates. URL: <http://www.greatapeproject.org/en-US/oprojeto-gap/Declaracao/declaracao-mundial-dos-grandes-primatas> (дата обращения: 03.08.2016).



